

Своеобразие рецепции бальной культуры в России

Ефремова И.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств», Минск

Статья посвящена выявлению своеобразных черт рецепции бальной культуры на территории Российского государства. Посредством целостного охвата онтологии бала в России, начиная с 1718 г. и до настоящего момента, автором освещаются основные ее этапы, связанные с: а) петровскими ассамблеями, выступающими в качестве «Пролога» формирования бальной культуры в России (1718–1725); б) появлением и развитием собственно бальной практики в эпоху правления женщин-императриц, достигающей кульминационной стадии во времена Екатерины Великой (1725–1796); в) динамикой бальной культуры в романтическом столетии, связанной с демократическими процессами как закономерным этапом ее эволюции; г) особенностями функционирования балов в Новейшее время. Отмечается, что, аналогично ведущим государствам Европы (прежде всего, французскому двору), придворные балы в Российской империи существовали в трех смысловых контекстах – развлекательном, церемониальном и церемониально-развлекательном (контаминированном). И если для организации балов увеселительного плана (проводимых, в подавляющем большинстве, в маскарадном формате) не требовалось значимого повода, то устройство балов-церемоний и, отчасти, контаминированных бальных мероприятий делало таковой обязательным, превращая бал в событие. В связи с этим еще с последних лет царствования Петра Великого при дворе начинает складываться традиция проведения церемониальных и контаминированных балов в рамках праздников государственного масштаба (т.н. «табельных» дней). Обозначенной традиции, окончательно сформировавшейся в 1730-е гг., придерживались все последующие правители Российской империи. В исследовании автор также перечисляет характерные особенности бальной культуры на территории России.

Ключевые слова: бал, феномен бала, бальная культура, бальная практика, рецепция бальной культуры, придворные балы, придворный церемониал, придворные церемонии, церемониальные балы, развлекательные балы, контаминированные балы, традиционные балы, балы-маскарады.

(Искусство и культура. – 2022. – № 4(48). – С. 26–30)

The Peculiarity of the Reception of Ballroom Culture in Russia

Efremova I.V.

Education Establishment “Belarusian State University of Culture and Arts”, Minsk

The article is concerned with identifying the peculiar features of the reception of ballroom culture on the territory of the Russian State. Based on the holistic coverage of the ontology of the ball in Russia, from 1718 to the present, the author highlights its main stages related to: a) Peter's Assemblies, acting as a “Prologue” to the formation of ballroom culture in Russia (1718–1725); b) the appearance and development of the actual ballroom practice in the era of the reign of female empresses, reaching a culminating stage in the time of Catherine the Great (1725–1796); c) the dynamics of ballroom culture in the romantic century, associated with democratic processes as a natural stage of its evolution; d) the peculiarities of the functioning of balls in modern times. It is noted that, similar to the leading states of Europe (first of all, the French court), court balls in the Russian Empire existed in three semantic contexts – entertaining, ceremonial and ceremonial-entertaining (contaminated). If the organization of balls of the entertainment character (conducted, in the vast majority, in a masquerade format) did not require a significant occasion, the arrangement of balls-ceremonies and, in part, contaminated ballroom events made it mandatory, turning the ball into an event. In this regard, since the last years of the reign of Peter the Great, the tradition of holding ceremonial and contaminated balls within the framework of state-scale holidays (the so-called “service” days) developed at the court. The designated tradition, finally formed in the 1730s, was followed by all subsequent rulers of the Russian Empire. In the conclusion of the article, the author summarizes its results in the form of an enumeration of the characteristic features of ballroom culture in Russia.

Key words: ball, ball phenomenon, ballroom culture, ballroom practice, reception of ballroom culture, court balls, court ceremonial, court ceremonies, ceremonial balls, entertainment balls, contaminated balls, traditional balls, masquerade balls.

(Art and Cultur. – 2022. – № 4(48). – P. 26–30)

Адрес для корреспонденции: e-mail: efremova_lug@mail.ru – И.В. Ефремова

В постмодернистском социуме рубежа XX–XXI вв. все большее значение приобрело осознание двух вещей: 1 – очередного кризиса (культурного, духовного) и 2 – значимости и важности ТРАДИЦИИ по отношению к инновационным веяниям времени. В данном контексте уместно процитировать слова У. Эко, который считал, что «у любой эпохи есть собственный постмодернизм», ибо «... каждая эпоха в свой час подходит к порогу кризиса» [1]. В подобные кризисные времена роль традиции, в частности, культурной, чрезвычайно актуализируется, ибо именно она выступает в роли «духовного якоря», не дающего оторваться социуму от историко-культурной почвы, именно она поддерживает в обществе связь времен и поколений, формируя его культурную память. Одной из знаковых традиций Прошлого является бал. Зародившись в медиальную эпоху во Франции, бальная культура быстро распространилась на территории Западной Европы. В начале XVIII столетия она «проникла» в Россию, где бал вскоре стал одной из наиболее востребованных социокультурных и социохудожественных практик аристократии. Проблема становления феномена бала в России как онтологического и рецептивного явления получила достаточно полное и многообразное освещение в трудах российских ученых (работы Е. Дукова, Ю. Лотмана, А. Колесниковой, О. Захаровой, В. Боковой, Н. Огарковой, Н. Рыжковой, А. Лебедевой-Емелиной, Е. Левашева, А. Леонавичус и мн. др.). Однако аспект данного исследования, связанный с определением специфики преломления бальной традиции на территории Российского государства, требует дополнительного освещения.

Цель статьи – выявление своеобразных черт в развитии бальной культуры на российских землях.

Петровские ассамблеи как «Пролог» бальной культуры в России (1718–1725). Известно, что первая попытка привития русской знати бальной культуры во времена Смуты при недолгом правлении Лжедмитрия I потерпела полное фиаско. С момента нигилистических настроений российского боярства в отношении этого чрезвычайно модного в Западной Европе и на белорусских землях явления и до периода времени его полного и безусловного принятия русским обществом прошло более ста лет. «Открытие» бала как новой, вестернизированной, формы социальной коммуникации связано с реформаторской деятельностью Петра Великого. Балы петровского времени, называемые ассамблеями, ставили целью интеграцию различных социальных страт путем внедрения новых, принятых в Европе, форм общения.

Балы при Петре I были далеки от европейского оригинала, переживавшего на рубеже XVII–XVIII вв. кульминационную стадию развития (балы при дворе Людовика XIV, бальные мероприятия эпохи регентства Шарля Орлеанского, открытие публичных балов в Гранд-опера), и являлись лишь первым шагом в освоении этого сложного, подчиняемого системе строгих этикетных правил, явления. Петровские балы-ассамблеи всецело принадлежали досуговой сфере. Как придворные церемонии в первой четверти XVIII в. они еще не функционировали, поскольку во время правления Петра Великого придворный российский церемониал только начинал формироваться и включал в себя далеко не все церемонии, входившие в церемониальное поле западноевропейских дворов.

Правление женщин-императриц как начало онтологии бала на территории Российской империи (1725–1796). Онтология собственно бальной культуры в России начинается после смерти великого государственного реформатора. На протяжении XVIII в., в эпоху правления женщин-императриц, бал превращается из полисословного в моносословное мероприятие, строго разделявшее российское общество по различным социальным стратам. Первоначальное отторжение и неприятие данного феномена в петровскую эпоху сменилось лояльным отношением к нему в годы правления Екатерины I и Анны Иоанновны, а затем осознанием необходимости существования бала в культурном ареале Российской империи как прогрессивной и чрезвычайно востребованной репрезентативно-культурной практики. Путь, который к середине XVIII в. прошел в своем развитии европейский бал, насчитывал более пяти столетий. Его трансплантации и адаптации на абсолютно неподготовленную в культурном смысле российскую почву насчитывалось всего около 30 лет (указ Петра I о проведении ассамблей вышел в 1718 г.). Временной разрыв в 470 лет был преодолен Россией крайне стремительно в формате «спрессованного» хроноса. При этом начальный этап рецепции бала в Российском государстве (петровские ассамблеи), связанный с активным сопротивлением общества насаждаемой вестернизации жизни, сыграл отчасти и положительную роль. Она проявилась на уровне присутствия национального оттенка в контексте бального феномена, возникшего в результате творческого усвоения российским двором инородной традиции.

Начавшаяся с правления женщин-императриц трансформация ассамблей в роскошные, строго регламентированные балы позволила последним в скором времени стать

неотъемлемой частью придворной культуры Российской империи в целом и ее государственного церемониала в частности и со временем экстраполироваться за пределы императорского двора. В отличие от петровской эпохи, когда придворные церемониальные формы, творимые лично государем, только начинали складываться, в послепетровское время среди российских императриц утверждается практика буквального заимствования европейского церемониально-этикетного поля. На этой основе при Елизавете Петровне в 1748 г. был издан «Экстракт из церемониалов при иностранных дворах», в котором были расписаны существовавшие в то время церемонии при дворах европейских монархов Франции, Австрии, Пруссии и Дании. С приходом к власти каждой новой монаршей особы российский придворный церемониал все более усложнялся и уже во времена правления Екатерины Великой и Павла I достиг своей кульминационной стадии.

Аналогично ведущим государствам Европы (прежде всего, французскому двору) придворные балы в Российской империи существовали в трех смысловых контекстах – развлекательном, церемониальном и церемониально-развлекательном (контаминированном). И если для организации балов увеселительного плана (проводимых, в подавляющем большинстве, в маскарадном формате) не требовалось значимого повода, то устройство балов-церемоний и, отчасти, контаминированных бальных мероприятий делало таковой обязательным, превращая бал в событие. В связи с этим еще с последних лет царствования Петра Великого при дворе начинает складываться традиция проведения церемониальных и контаминированных балов в рамках праздников государственного масштаба (т.н. «табельных» дней). Обозначенной традиции, окончательно сформировавшейся в 1730-е гг., придерживались все последующие правители Российской империи.

В целом праздничный государственный церемониал, опиравшийся на западноевропейский шаблон, состоял из официальной и неофициальной частей. Первая утверждала незыблемость и величие монаршей власти путем строжайшего соблюдения церемониального регламента и неукоснительного следования этикетным нормам [2, с. 8]. Вторая была представлена досуговыми развлекательно-увеселительными формами (в том числе развлекательными и контаминированными балами), проводимыми как в императорском дворце, так и в домах крупных аристократов, и создающими атмосферу всеобщей радости и удовольствия. В качестве предфинальной составляющей официальной части

выступал церемониальный бал (как правило, местом его проведения была Грановитая палата Кремля), структура которого включала в себя: 1 – церемониальное шествие во дворец; 2 – встречу монаршей персоны возле дворца; 3 – собственно церемониальные танцы (т.е. бал), премьером среди которых был полонез; 4 – парадную трапезу [2, с. 28]. Диада «церемониальные танцы – парадная трапеза» в рамках того или иного торжества могла принимать и иные композиционные варианты (например, «парадная трапеза – церемониальные танцы» или «церемониальные танцы – парадная трапеза – церемониальные танцы»).

Если структурно-композиционные особенности церемониальных балов были жестко регламентированы и ограничены исключительно танцевально-трапезными формами, то увеселительные и контаминированные содержали также различные развлекательные элементы (в том числе постановки музыкально-сценических произведений, «живые картины», концертные номера, азартные игры и т.п.), превращаясь, тем самым, в многосоставное действие, «прослаиваемое» танцами. При этом сам музыкально-танцевальный компонент бальных мероприятий отличался национальным своеобразием, выступающим ярким маркером российской ментальности. Основу последней составляло, с одной стороны, особое, имперское, мышление, обусловившее расширение географического охвата бальных танцев, в числе которых, помимо традиционных европейских образцов, нередко присутствовали национальные танцевальные композиции, представлявшие различные этнические регионы Российской империи, а с другой – глубокие связи с византийской культурой, проявившиеся, прежде всего, в господстве православной ветви христианства и связанной с этим традиции использования в рамках церемониальных и, частично, контаминированных бальных мероприятий, наряду с инструментальной, вокальной музыкой.

Так, еще на петровских ассамблеях Государя приветствовали исполнением панегирических кантов либо партесных концертов, восхвалявших монарха, победы русских войск и мощь Российской империи. Звучание в самом начале мероприятия вокально-хоровых произведений придавало ему особый, торжественно-славильный тон, а в самой музыке маркировался ее новый, имперский, государственный статус в качестве неперемennого атрибута утверждения монаршей власти и величия России. Традиция, заложенная Петром Великим, активно развивалась в годы правления последующих монархов Российского государства. Так,

канти-панегирики и панегирические кантаты звучали на анненских балах. Нововведением елизаветинского времени стала опора ритмического языка кантов в честь Императрицы на ритмоформулы бальных церемониальных европейских танцев – полонеза и менуэта, придававших славильному звучанию ритуальный характер. В правление Екатерины II, искренне стремящейся стать полноценной русской, помимо панегирических кантов-полонезов и кантов-менуэтов, появляется жанр оркестрово-хорового полонеза, основоположником которого стал придворный композитор О. Козловский, белорус по происхождению. Звучание его польских (как оркестрово-хоровых, так и чисто оркестровых) сопровождало исполнение самого популярного танца на балах.

Особую торжественность балам церемониального плана придавало также активное использование О. Козловским возможностей рогового оркестра – чисто русского феномена. До этого указанный уникальный коллектив, находящийся в придворном штате со времен Елизаветы Петровны, к звуковому оформлению подобных мероприятий не привлекался. Звучание роговой музыки в замкнутых рамках бального хронотопа создавало объемный стереофонический эффект «раздвижения» границ звукового пространства и подчеркивало грандиозность и триумфальность момента. Введение рогового оркестра в формат балов-церемоний придавало этим придворным торжествам черты национального своеобразия, что делало их отличными от западноевропейских прообразов. Активно функционируя в рамках российского бального церемониала на протяжении нескольких десятилетий, в конце 1830-х гг. роговая музыка была предана забвению, возродившись лишь в 1880-х гг., во времена царствования Александра III.

Если в формате балов-церемоний широко использовалась специфика звучания рогового оркестра, то в пространственно-временном континууме развлекательных и части контаминированных балов нередким было обращение к не менее оригинальному звучанию бандуры – инструмента, рожденного региональной малороссийской народной культурой. Так, еще в петровское время во время свадебной трапезы в домах вельмож «могли наслаждаться игрой слепого казака на бандуре» [2, с. 72].

Еще одна отличительная черта балов, проводимых при российском дворе, обусловленная имперским мышлением представителей русской нации, была связана с введением в танцевальное «меню» развлекательных балов (особенно балов-маскарадов) региональных

танцев Российской империи. Так, еще на маскарадах петровского времени исполнялись народные танцевальные композиции. По свидетельству Я. Штелина, «на дворцовых балах, а также на балах высшего общества уже со времен Петра Великого не танцевали никаких других танцев, кроме французских, польских и английских контрдансов, на придворных же маскарадах очень часто также танцевали украинские и русские деревенские танцы» [3, с. 151]. В елизаветинскую эпоху на придворных маскированных балах «...“казачок” и “русская” оформляются танцмейстерами как новые салонные бальные танцы, которые не имеют западных аналогов» [4, с. 24]. Начиная с екатерининского времени, национально-характерные танцы входят в программу не только придворных балов-маскарадов, но и развлекательных балов традиционного типа, а также контаминированных бальных мероприятий.

Национальная самобытность бальной культуры российского двора весьма ярко проявилась в формате проведения придворных балов-маскарадов на темы из истории государства. Подобная традиция была широко распространена в Европе. Творчески переосмысленная при трансплантации на российскую почву, иноземная традиция в России приобрела свою специфику, связанную с продвижением «русской идеи» и «публичной демонстрацией ценностных ориентиров нового царствования» [5]. В рамках тематических балов-маскарадов воссоздавались конкретная эпоха российской истории и ее наиболее знаковые личности.

Демократические процессы в недрах бальной практики как закономерный этап ее эволюции. Аналогично Европе, бальная культура России, освоенная при дворе и в среде высшей аристократии, на определенном этапе своего развития начала претерпевать демократизационные процессы. Так, еще со времен Елизаветы Петровны на Новый год либо на Масленицу при императорском дворе в помещении Зимнего дворца каждый год устраивались т.н. «балы с мужиками». Эта европейская традиция на российской почве приобрела собственный национальный оттенок, заключавшийся в укреплении «русской идеи», связанной с единением российского народа и власти в лице Государыни (Государя) и членов его семьи, на имперском уровне. Просуществовав до 1848 г., «балы с мужиками» прекратили свое существование.

В годы правления Екатерины Великой, наряду с придворными и партикулярными аристократическими (столичными и провинциальными) балами, бальные мероприятия

начинают организовываться в рамках открытых Дворянского (Петербург, 1766 г.; Москва, 1783 г.) и Купеческого (Москва, 1796 г.) собраний, Коммерческого общества (Петербург, 1784 г.), а также Малого бюргер-клуба (Петербург, 1790 г.) и Офицерского клуба (Тихвин, 1779 г.; Петербург, 1782 г.). Балы, проводимые в подобном сословно-замкнутом формате, объединяли представителей определенных страт российского общества и, как правило, служили целям благотворительности.

С 1830 г., благодаря инициативе В. Энгельгардта, начавшего организовывать в своем петербургском доме платные публичные балы-маскарады, бальная культура стала «проникать» в самые различные слои российского социума. Традиция устройства общественных балов была подхвачена дирекцией Заведения Искусственных Минеральных Вод в Петербурге. В программу увеселительных мероприятий воксала данного заведения входили, среди прочих, бальные мероприятия (пору расцвета они переживают с приходом в 1847 г. нового распорядителя И. Излера).

Однако по-настоящему популярными публичные балы в Российской империи стали только во второй половине XIX в., когда они превратились в одну из излюбленных форм досугового времяпрепровождения и филантропической деятельности представителей различных профессиональных корпораций, в том числе творческой интеллигенции (художников, артистов, музыкантов, литераторов и др.). Активный интерес к бальной культуре со стороны деятелей искусства, обусловленный, прежде всего, заложенным в данном феномене богатым потенциалом театральности, проявлялся в предпочтении ими организации тематических балов-маскарадов. Количество традиционных балов постепенно сокращалось, равно как и число придворных бальных мероприятий (это во многом было связано с обострением внешней и внутренней общественно-политической ситуации в стране).

Постскриптум: балы в формате Новейшего времени. После свержения царской монархии и создания советского государства балы как неотъемлемая часть враждебной новой власти аристократической культуры были сознательно вытеснены из культурного пространства советского народа. Бальная семантика отчасти сохранилась лишь за школьными выпускными вечерами и новогодними мероприятиями, которые иногда именовались балами. На постсоветском пространстве наблюдается

тенденция возрождения бальной практики, проявляющаяся, с одной стороны, в активной реконструкции балов конкретных историко-культурных эпох соответствующими клубами и танцевальными студиями, а с другой – в организации «внеисторических» бальных мероприятий празднично-развлекательного плана (в том числе маскарадных). Оба направления существуют в широком поле доступности – от статусных балов для элиты российского общества до весьма демократичных публичных бальных постановок.

Заключение. Своеобразие бальной практики на территории Российской империи было связано с: а) господством православной ветви христианства, проявившимся в традиции исполнения на церемониальных и, отчасти, контактированных балах, наряду с инструментальной, вокальной музыки (панегирические канты и хоровые полонезы), прославляющей монаршую особу и мощь русской державы; б) крупными территориальными масштабами Империи, включавшей в себя разнонациональное население и обусловившей имперскость как особое качество российской ментальности. В программы балов, проводимых в России, помимо традиционного для Западной Европы набора бальных танцев, нередко включались национальные танцевальные композиции, представлявшие различные этнические регионы Российского государства (барыня, трепак, малороссийский казачок, молдавский танец и др.); в) активным использованием в формате церемониальных балов, наряду с бальным, рогового оркестра – чисто русского феномена, выразительное звучание которого придавало бальным мероприятиям особую торжественность и черты яркой национальной самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Умберто Эко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://filosoff.org/eco/wp-content/uploads/sites/100/2015/11/umberto-eko-zametki-na-poljah-imeni-rozy-filosoff.org_.pdf. – Дата доступа: 20.04.2022.
2. Огаркова, Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII – начала XIX века / Н.А. Огаркова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 348 с.
3. Штелин, Я. Музыка и балет в России XVIII века / Я. Штелин. – Л.: Тритон, 1935. – 191 с.
4. Колесникова, А.В. Бал в истории русской культуры: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.02 / А.В. Колесникова. – СПб., 1999. – 286 с.
5. Зимин, И. Балы в императорских дворцах [Электронный ресурс] / И. Зимин, С. Девятов // Двор российских императоров: энциклопедия жизни и быта: [в 2 т.] / [рук. Е.А. Муров и др.]. – М.: Кучково поле, 2014. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/507996-dvor-rossijskih-imperatorov-enciklopediya-zhizni-byta-v-2-t-tom-1.html>. – Дата доступа: 02.05.2022.

Поступила в редакцию 30.05.2022